

История СССР за рубежом

ООН, СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ

В. Г. ПОЛЯКОВ

Вот уже более восемнадцати лет существует и действует Организация Объединенных Наций. Вопросы истории создания и деятельности ООН привлекают к себе пристальное внимание исследователей и публицистов различных стран. На Западе одна за другой выходят работы буржуазных историков, юристов, социологов, посвященные этой теме¹. Отметим сразу же, что подавляющее большинство западных авторов стремится найти в политике Советского Союза одну из главных, если не главную причину «несовершенств» и «изъянов» ООН. Хотя СССР формально и входит в ООН, внушают эти авторы, по существу он является «врагом» этой организации, нарушает ее принципы и цели, отказывается выполнять принятые на себя обязательства, прилагает максимум усилий, чтобы расшатать устои ООН и парализовать ее деятельность. Связь подобных «исторических изысканий» с запросами «текущей» политики империалистических государств не подлежит никакому сомнению. Весьма четко те же мысли были сформулированы, например, государственным секретарем США Д. Раском в его выступлении в Национальном клубе печати в Вашингтоне 10 июля 1961 г. «Основной кризис нашего поколения,— заявил Раск,— состоит в том, что Советский Союз присоединился к Организации Объединенных Наций формально, а не по существу, и нарушил обязательства, которые он и все мы взяли на себя в разгар войны»².

Ту же версию пытается обосновать и профессор истории международных отношений Колумбийского университета А. Даллин в вышедшей в 1962 г. книге «Советский Союз в Организации Объединенных Наций»³. Это по существу первое в зарубежной исторической литературе монографическое исследование, где центральное место занимают вопросы, связанные с участием именно Советского Союза в создании и деятельности этой организации.

¹ Назовем некоторые из последних работ: С. Echelberger. The United Nations. The First Fifteen Years, N. Y., 1960; L. Munro. United Nations. Hope for a Divided World, N. Y., 1960; «The United States and the United Nations», ed. by F. O. Wilcox and H. F. Haviland. Baltimore, 1961; D. Ennals. United Nations on Trial, L., 1962; N. Nicholas. The United Nations as a Political Institution, L., 1962; S. Steinberg. The United Nations Story, N. Y., 1962; R. Miller. Dag Hammarskjold and Crisis Diplomacy, Washington, 1962; J. Wadsworth. The Price of Peace, N. Y., 1962; A. Boyd, United Nations. Piety, Myth and Truth, Harmondsworth, 1962, и др.

² «The New York Times», July, 11, 1961.

³ Alexander Dallin. The Soviet Union at the United Nations. An Inquiry into Soviet Motives and Objectives, N. Y., 1962.

С первого взгляда книга кажется выдержанной в духе академизма и непредвзятости. Автор готов даже в отдельных случаях покритиковать Запад за его позицию по некоторым (главным образом, второстепенным) вопросам. Довольно широко он привлекает советские документы, исследования и периодические издания. Но чем дальше читаешь книгу Даллина, тем более укрепляешься во мнении, что за фасадом внешнего «беспристрастия» и «научности» скрывается еще одна попытка в корне извратить основные внешнеполитические принципы Советского Союза, дать фальсифицированное освещение деятельности советской дипломатии в ООН на протяжении всего послевоенного периода.

Мы выделим три основные группы проблем, по которым Даллин упорно стремится навязать читателю предвзятую интерпретацию событий. Это, прежде всего, отношение СССР к международным организациям по поддержанию мира и безопасности вообще и история его участия в Лиге Наций, в частности. Это, во-вторых, история возникновения ООН и роль Советского Союза в создании этой организации. Это, в-третьих, позиция советской дипломатии в ООН по таким важнейшим вопросам, как принцип единогласия великих держав, разоружение, реорганизация структуры ООН и др.

I. «ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ»

Именно таков заголовок раздела, которым открывается книга Даллина. Его задача — выяснить мотивы и цели нынешнего внешнеполитического курса Советского Союза в ООН, историческую обусловленность его политики. По мнению Даллина, «противоположность» политических принципов Советского Союза и международных организаций типа Лиги Наций и ООН вытекает из советской «концепции двух миров». Поскольку советское мировоззрение, определяющее внешнеполитический курс СССР, заявляет он, исходит из «понимания истории как прогресса путем борьбы», поскольку международные отношения в эпоху империализма определяются, согласно советским взглядам, целым рядом противоречий (таких, как антагонизмы между эксплуатируемыми и эксплуататорами, между СССР и капиталистическими странами, между самими империалистическими державами, между метрополиями и колониями), то советские руководители склонны считать «напряженность и конфликты скорее нормой, чем исключением во внутриаполитической и международной жизни. Смягчается или нет атмосфера в данный момент, основная система отношений между советской орбитой и некоммунистическим миром остается, с точки зрения Москвы, антагонистической» (стр. 5) ⁴.

Даллин пытается представить дело таким образом, будто объективно существующие антагонизмы современного мира являются не более как плодом воображения коммунистов, удобным для обоснования их тактики. Для того, чтобы разоблачить этот примитивнейший трюк, не зачем углубляться в седую древность и объяснять американскому профессору, что «прогресс путем борьбы» придумали отнюдь не коммунисты — классовые и иные конфликты существуют не одну тысячу лет. Вспомним события недавнего прошлого — интервенцию стран Антанты и США в Советской России в 1918—1920 гг., нападение гитлеровской Германии на СССР в 1941 г. Разве эти факты военных столкновений между СССР и «некоммунистическим миром» — факты крайнего выражения антагонистических отношений — являются лишь «точкой зрения Москвы»? И разве те или иные убеждения советских руководителей, а не социально-политическая природа империализма, послужили им причиной?

⁴ Здесь и далее ссылки на книгу Даллина даются в тексте.

Касаясь периода 1919—1934 гг., Даллин заявляет, что «Москва» смотрела на Лигу Наций как на «штаб врага»; тот же взгляд она сохранила и вступив в нее. Верно, конечно, что СССР долгое время относился к Лиге с подозрением и недоверием. Но каковы были причины этого подозрения и недоверия? Как, в свою очередь, Лига Наций относилась к Советскому Союзу? Какую политику проводили ее члены в отношении Страны Советов?

Вспомним наиболее характерные факты затронутого Даллином прошлого. Лига Наций, провозгласившая одной из своих основных целей обеспечение добрых межгосударственных отношений и согласия в мире, с самого начала своего создания в 1920 г. запятнала свои руки войной — вооруженной интервенцией ведущих государств — членов Лиги против Советской России. Главенство в этой организации, сеявшей, по мнению западных авторов, семена добра и справедливости, принадлежало вплоть до ее бесславной кончины враждебным Советскому Союзу силам; США, чьи правящие круги долгое время отказывались даже признать первое в мире социалистическое государство, по существу поддерживали все акции Лиги, носившие антисоветский характер. Та же антисоветская политика толкала ведущие империалистические державы на потворство фашистским агрессорам, а подавляющее большинство членов Лиги, подчиняясь воле этих держав, закрывало глаза и на вмешательство стран «оси» в гражданскую войну в Испании, и на агрессию Японии в Китае, и на аншлюс Австрии, и на пресловутое мюнхенское соглашение, которое ныне не смеют оправдывать даже самые реакционные историки. Приняв позорное решение об исключении СССР из числа своих членов в 1939 г., Лига Наций еще раз продемонстрировала свою глубокую враждебность к первой в мире стране социализма.

Как же обращается со всеми этими сюжетами прошлого автор? Признав мимоходом, что у Советского правительства были основания не доверять Лиге, он по существу уклоняется от какого бы то ни было анализа объективных причин, обусловивших позицию СССР. В пространном сочинении Даллина не находится места для показа того, что версальские «миротворцы» с самого начала надеялись превратить Лигу в орудие борьбы против первого в мире государства рабочих и крестьян. Позволительно спросить автора: если «концепция двух миров» играла в международных отношениях такую роковую роль, то почему у него нет ни слова о том, что именно крупнейшие капиталистические державы — бывшие члены Лиги Наций, а ныне ООН не только исходили в своих внешнеполитических акциях из открытой вражды к коммунизму и социалистическому строю, но и прибегали к прямой агрессии против нашей страны! В этих акциях, а вовсе не в «мировоззрении коммунистов» коренились истоки напряженности и конфликтов в послеверсальской Европе, причины того, почему Лига Наций так и не стала инструментом мира и международного сотрудничества.

Обойдя невыгодный ему вопрос и по существу «проскочив» период, анализ которого и помог бы выяснить подлинные причины «враждебного и презрительного» отношения СССР к Лиге Наций, Даллин пишет, что «Советский Союз постепенно приучался к мирному сосуществованию с внешним миром» (стр. 15). Этот надуманный тезис призван скрыть тот очевидный факт, что признание необходимости мирного сосуществования было вынужденным именно для стран Антанты и США и что они не сами «приучались» к этому, а были приучены в результате жестокого разгрома, который потерпели их войска на полях России, в результате крушения их антисоветской политики в 20-х годах.

В ходе дальнейшего изложения Даллин решает заявить о «возросшем участии СССР в международных организациях» (стр. 17). Пос-

ле пространных разглагований о том, что СССР-де боялся Лиги Наций, ненавидел ее и не верил в возможность сотрудничества с Западом, такое признание проскальзывает почти незаметно, поскольку оно не облачается в фактический материал. А между тем фактов в распоряжении Даллина было больше, чем достаточно. Еще до вступления в Лигу Наций в 1934 г. Советский Союз принимал активное участие в работе многих созывавшихся по ее инициативе конференций и комиссий, которые, по мнению Советского правительства, могли бы помочь достижению полезных результатов в экономической, политической и культурной областях. СССР внес на их обсуждение ряд важных конкретных предложений, в том числе одобренную специальным комитетом Европейской комиссии Лиги Наций резолюцию, констатирующую возможность и необходимость мирного сосуществования государств с различными социальными системами, а также проект пакта об экономическом ненападении⁵. А участие СССР в работе подготовительной комиссии Всеобщей конференции по разоружению и в работах самой конференции? Разве неизвестно, что лишь благодаря инициативе и настойчивости Советского правительства впервые в истории удалось добиться постановки и обсуждения на широкой международной арене идеи всеобщего и полного разоружения? Советские предложения по вопросу о всеобщем и полном разоружении, о сокращении вооружений, об определении агрессии и многие другие получили повсеместное признание, и можно смело сказать, что если бы другие государства, и в первую очередь крупнейшие западные державы, поддержали их, мир мог бы быть избавлен от ужасов второй мировой войны.

Обо всем этом по существу нет ни слова в книге Даллина. Зато автор упрямо твердит, что, и вступив в Лигу Наций, Советский Союз был якобы против социально-экономических и научно-культурных мероприятий Лиги Наций. Но в действительности Советский Союз и его представители в Лиге Наций, в том числе М. М. Литвинов, возражали против попыток определенных кругов империалистических держав увести Лигу в сторону от решения кардинальных вопросов того времени и прежде всего вопросов сохранения мира и борьбы с фашистской агрессией. Ведь не секрет, что в канун второй мировой войны эти круги приложили немалые (и, добавим, к сожалению, безуспешные) усилия с целью помешать Лиге принять необходимые меры для обуздания гитлеровских захватчиков и занять ее внимание различными второстепенными и третьестепенными вопросами, практически утратившими какое-либо значение.

«Даже оглядываясь назад,— заявляет автор на стр. 19,— Москва не утверждает, что она стремилась содействовать международному взаимопониманию и сотрудничеству». Довольно странный способ выявления истины — судить не по действиям, а по отсутствию заявлений о мотивах этих действий тридцать лет спустя! Если следовать этой странной логике, то можно прийти к выводу, что США не хотели развивать связи, скажем, с Турцией, Грецией или Швецией во второй половине декабря 1929 г. только потому, что нынешние официальные лица Вашингтона ничего не говорят об этом. Но еще более странно читать доводы Даллина, когда на предыдущей 18-й странице он сам же цитирует слова наркома иностранных дел М. М. Литвинова, который заявил на заседании Ассамблеи Лиги Наций 18 сентября 1934 г. буквально следующее: «Советское государство отнюдь не исключало возможности той или иной формы сотрудничества с государствами и иного режима, иной политической и социальной структуры для достижения общей цели»⁶.

⁵ «История дипломатии», под ред. В. П. Потемкина, М., 1945, т. III, стр. 415—416.

⁶ «Советская внешняя политика», Сб. док., М., 1945, т. III (1925—1934), стр. 747.

С удивительной легкостью перечеркивает Даллин и те поистине огромные усилия, которые прилагал Советский Союз, чтобы обуздать фашистскую агрессию. Конечно, автор не может — на какую бы доверчивую аудиторию он ни рассчитывал — прибегнуть в данном случае к умолчанию. «Мир и безопасность были главными целями СССР в Лиге», — признает он (стр. 19). Но, оказывается, борьба Советского государства за предотвращение войны свидетельствует лишь об «узком» (?!) понимании им целей и задач Лиги! А могла ли, спросим мы у Даллина, вообще быть у международной организации задача более отвечающая интересам человечества и как таковая более широкая, чем сохранение мира? Если бы так называемые «западноевропейские демократии» и США были в 30-х годах столь же последовательными борцами за эту «узкую» цель, как СССР, то вторая мировая война, унесшая десятки миллионов жизней, могла бы и не разразиться.

Даллин любит, излагая свои мысли, подкреплять их мнениями других авторитетов. А вот в данном случае он никак не хочет вспомнить заключения капитального исследования о Лиге Наций, принадлежащего перу профессора Оксфордского университета, бывшего заместителя генерального секретаря Лиги Ф. Уолтерса. «С 18 сентября 1934 г. вплоть до периода, отделенного несколькими месяцами от начала второй мировой войны, — писал Уолтерс, — Россия оставалась убежденным поборником Лиги. Ее позиция в Совете и Ассамблее, ее отношение к державам-агрессорам куда более соответствовали принципам Статута, чем позиция любой другой великой державы. Именно России принадлежала ведущая роль в вопросах безопасности»⁷.

Можно напомнить и свидетельство видного американского историка-международника Д. Флеминга. Характеризуя позицию СССР в период его пребывания в Лиге, Флеминг пишет: «В течение пяти лет (с 1934 по 1939 г. — В. П.) Советское правительство пыталось в рамках Лиги Наций сотрудничать с западными демократиями с целью остановить фашистских агрессоров. И на каждом этапе от соглашения с ним отказывались ради умиротворения агрессоров... При каждом кризисе — в Эфиопии, Испании, Рейнской области, Австрии и Чехословакии — сотрудничество с Советским Союзом было с пренебрежением отвергнуто»⁸.

Вкривь и вкось толкуя акции советской внешней политики, Даллин в то же время систематически обеляет внешнеполитический курс западных держав. Дело доходит до того, что даже политику изоляции Советского Союза, которую упорно вели западные державы накануне второй мировой войны, надеясь спровоцировать советско-германский вооруженный конфликт в максимально благоприятных для агрессора обстоятельствах, Даллин выдает за политику «самоизоляции», которой якобы добровольно придерживался сам Советский Союз, предпочитая «идти в одиночку» (!). От этого нелепого заявления всего лишь один шаг до избитого утверждения об «ответственности» СССР за развязывание гитлеровцами второй мировой войны «путем» подписания советско-германского пакта о ненападении (стр. 20).

Антифашистская коалиция СССР, Англии и США, сложившаяся в годы второй мировой войны, если верить Даллину, была выгодна прежде всего Советскому Союзу. Во время войны, сокрушается автор, так и «не установились подлинно дружественные отношения между Западом и СССР» (стр. 21). Даллин ставит на этом точку и не идет дальше. Но, спросим вновь, чья в этом вина? Кому неизвестны англо-американская тактика проволок в вопросе об открытии второго фронта, попытки Англии и США за спиной своего советского союзника сгово-

⁷ F. P. Walters. A History of the League of Nations, London, 1952, p. 585.

⁸ D. F. Fleming. The Cold War and Its Origins. 1917—1960, London, 1961, p. 80—82.

ряться с германскими милитаристами о заключении сепаратного мира, упорное нежелание империалистических кругов западных держав признать за народами стран Восточной и Центральной Европы право самим решать свои судьбы и т. д. и т. п.?

II. РОЛЬ СССР В СОЗДАНИИ ООН. О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ» ПРАВОМ ВЕТО

Переходя к истории создания ООН, Даллин так излагает и комментирует факты, что у читателя невольно создается впечатление, будто СССР не проявлял особого интереса к созданию ООН и играл лишь третьестепенную роль в выработке ее Устава⁹.

Если верить автору, Советский Союз всячески стремился ограничить компетенцию и практические возможности будущей организации по поддержанию мира и международной безопасности. «Согласно советской точке зрения,— пишет Даллин,— будущая Организация Объединенных Наций должна была служить, главным образом, одной определенной и сравнительно ограниченной задаче — задаче поддержания мира» (подчеркнуто мной.— В. П.); эта задача, продолжает Даллин, диктовалась собственной слабостью СССР (стр. 21). Однако напомним слова, которыми начинается Устав ООН и которые предельно четко формулируют главную миссию Организации Объединенных Наций: «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе». Как можно забыть эти слова, забыть тот факт, что с этим определением цели ООН как основной, направляющей всю ее деятельность, были полностью согласны руководители трех великих держав — СССР, США, Англии, закладывавшие еще в годы второй мировой войны фундамент будущей ООН? Разве не ясно кому-либо сегодня, что претворение в жизнь этой «ограниченной задачи» знаменовало бы осуществление извечной мечты человечества о ликвидации войн и торжестве нерушимого мира на земле — этого величайшего блага и счастья для всех народов?

С другой стороны, твердо придерживаясь той позиции, что ООН должна быть прежде всего эффективным инструментом поддержания мира и предотвращения войны, Советский Союз никогда (ни в период выработки Устава, ни в последующие годы) не выступал против важной и полезной деятельности этой международной организации (как и различных специализированных учреждений) в социально-экономической, технической и культурной областях.

В явных неладах с предвзятым тезисом о «слабом интересе СССР к ООН» находится вынужденное признание Даллина о том, что, когда дело дошло до практической выработки Устава, Советское правительство представило четкие и конкретные предложения на этот счет (стр. 21—25). Отметим, кстати, что многие из этих предложений получили свое отражение в окончательном тексте Устава Организации.

Каковы же эти предложения?— задает естественный вопрос читатель книги, претендующей на всестороннее освещение роли Советского Союза в создании и деятельности ООН. Однако Даллин снова предпочитает не касаться фактов, иллюстрирующих позитивный вклад нашей страны в дело сотрудничества народов, в дело выработки согласованных положений Устава ООН. Нам приходится сделать это за него.

Наиболее существенные советские предложения, выдвинутые для включения в Устав ООН, касались признания принципа равноправия

⁹ Этот довольно распространенный на Западе тезис нашел свое законченное выражение в новой монографии профессора Оксфордского университета Г. Николаса «Организация Объединенных Наций как политическое учреждение». H. Nicholas. The United Nations as a Political Institution, London, 1962, p. 4—11.

и самоопределения народов (ст. I, § 2); проведения принципа единогласия великих держав в Совете Безопасности (ст. 27, § 3); поощрения и развития уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии (ст. I, § 3); разрешения международных споров мирными средствами в согласии с принципами справедливости и международного права (ст. I, § 1); определения задачи международной опеки как развития колоний в направлении к самоуправлению или независимости (ст. 76, § «б»), не говоря уже о принципах мирного сосуществования и сотрудничества, красной нитью проходящих через весь Устав ООН.

В умолчании этих советских предложений Даллин, увы, не одинок. Характерна в этом отношении вышедшая в 1962 г. в Нью-Йорке вторым изданием работа американца С. Стейнберга «Повесть об ООН», где автор, касаясь принципов и идей, которые были включены в Устав Организации Объединенных Наций, подробно останавливается даже на «14 пунктах» Вильсона, «4 свободах» Рузвельта, не говоря уже об Атлантической хартии и других документах, под которыми стоят подписи руководителей правительств США и Англии¹⁰. Зато он полностью игнорирует советские предложения и лишь мимоходом упоминает о таком важном этапе в истории создания ООН, каким явилась созданная по инициативе Советского правительства Московская конференция министров иностранных дел трех великих держав (октябрь 1943 г.), определившая основы будущей Организации Объединенных Наций. Об ООН как воплощении западных и только западных идеалов и принципов подробно распространяется и другой американский автор — в недавнем прошлом помощник государственного секретаря США по делам международных организаций Ф. Уилкоккс¹¹.

Упорное «забвение» фактов, касающихся позиции СССР, и прекрасную память в отношении позиций Запада, впрочем, легко объяснить. Отнюдь не в интересах Даллина, Николаса, Уилкоккса, Стейнберга и тех влиятельных кругов, точку зрения которых они выражают, признать, что именно инициативе и настойчивости Советского Союза народы мира обязаны включением в Устав ООН его наиболее важных и вместе с тем наиболее прогрессивных положений.

Эта традиция умолчания нарушается буржуазными историками только в одном случае — когда речь заходит о принципе единогласия великих держав в Совете Безопасности, воплотившем основную идею международного сотрудничества — необходимость согласованного решения международных проблем коллективными усилиями великих держав, несущих главную ответственность за поддержание всеобщего мира и безопасности. Даллин, следуя установившемуся обычаю, также пускается в длиннейшее рассуждения об «особой заинтересованности» СССР в этом принципе, который он именуется «правом вето». И тот же Даллин хранит гробовое молчание по поводу того, что США не менее энергично, чем СССР, добивались в свое время включения права вето в Устав ООН.

Между тем — и это прекрасно известно Даллину — не только Советскому Союзу, но и США принадлежала инициатива выдвижения принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности. Более того, формулировка этого принципа, как она зафиксирована в ст. 27 действующего Устава, была предложена еще в декабре 1944 г. президентом США Ф. Д. Рузвельтом и принята главами правительств СССР, Англии и США на Крымской конференции 1945 г. как отвечающая интересам *всех* великих держав — постоянных членов Совета.

¹⁰ S. Steinberg. Op. cit., p. 24—26.

¹¹ F. Wilcox. The Nonaligned States and the United Nations (см. «Neutralism and Nonalignment». Ed. by L. Martin, N. Y., 1962, p. 121—122).

Интересно в этой связи напомнить, что еще в августе 1946 г. в связи с поднятой на Западе шумихой по поводу того, что право вето якобы выгодно лишь Советскому Союзу, бывший государственный секретарь США Э. Стеттиниус на страницах журнала «Reader's Digest» прямо признавал меньшую заинтересованность США в этом принципе и подчеркивал, что без принятия правила единогласия великих держав США попросту не вступили бы в ООН. «Не надо забывать,— писал Стеттиниус,— что включение вопроса о праве вето для великих держав в Устав ООН было необходимо для того, чтобы добиться утверждения этого Устава народом США и сенатом США»¹².

За год до этого в докладе, представленном государственным департаментом президенту США об итогах конференции в Сан-Франциско, четко и недвусмысленно указывалось: «В Думбартон-Оксе считалось в качестве аксиомы, что краеугольным камнем всемирной безопасности является единство тех государств, которые составляли ядро великого союза против держав оси, и эту точку зрения продолжали отстаивать приглашающие правительства в Сан-Франциско»¹³.

Но сколь ни существен вопрос о том, кто был инициатором принципа единогласия великих держав, еще более важна история проведения этого принципа в жизнь. Как и подавляющее большинство других западных авторов (Гудрич, Николас, Мунро и др.)¹⁴, Даллин сетует по поводу так называемого «злоупотребления» советскими представителями правом вето в Совете Безопасности. Он ставит в вину Советскому Союзу применение вето при обсуждении «многих проблем», не затрагивавших интересы сохранения мира и безопасности, и в этой связи ссылается на вопрос о приеме новых членов (стр. 52). При этом американский профессор явно попадает впросак, ибо трудно было бы найти другой, более наглядный пример справедливости и законности применения права вето представителем СССР в Совете Безопасности.

Напомним вкратце историю вопроса. Увеличение состава членов ООН началось с 1946 г., когда на I сессии Генеральной Ассамблеи ООН в состав Организации были приняты 4 страны — Афганистан, Исландия, Таиланд и Швеция. В 1947 г. Организация пополнилась двумя новыми членами — Пакистаном и Йеменом, а в 1948—1950 гг. в ООН вступили Бирма, Израиль и Индонезия. Известно, что Советский Союз, строго придерживаясь духа и буквы Устава, голосовал за прием в ООН всех этих государств, несмотря на то, что их политический строй отличался и отличается от советского и с некоторыми из них у СССР в то время не было даже дипломатических отношений¹⁵.

Совершенно иную позицию заняли США, Англия и Франция в отношении стран народной демократии, упорно противясь их приему в ООН под всякими надуманными предлогами, хотя некоторые из этих стран подали просьбу о приеме в числе первых и заявили о своей готовности полностью выполнять обязательства, предусмотренные Уставом.

Таким образом, уже в первые годы существования ООН стало ясно, что определенные влиятельные круги на Западе стремятся помешать ООН стать организацией, призванной обеспечивать сотрудничество государств с различным социальным строем, т. е. подлинно универсальной международной организацией. Именно из-за твердолобой позиции западных держав вопрос о приеме новых членов оказался в тупике.

¹² См. «Правда», 15 сентября 1947 г.

¹³ «U. S. Department of State. Charter of the United Nations», Publication 2349 (June 26, 1945), p. 68. См. также R. Sherwood. The White House Papers of Harry L. Hopkins, London, 1949, p. 846—847.

¹⁴ L. Goodrich. The United Nations, N. Y., 1959; p. 58; H. Nicholas. Op. cit., p. 49, 71—72; 181—184; L. Munro. Op. cit., p. 47—57.

¹⁵ См. Г. И. Морозов. Организация Объединенных Наций (Основные международно-правовые аспекты структуры и деятельности), М., 1962, стр. 148.

К 1955 г. накопилось уже 18 просьб о приеме, включая и заявления ряда социалистических стран (МНР, Болгария, Венгрия и др.). Стремясь найти выход из создавшегося положения, СССР предложил принять в ООН одновременно все государства, изъявившие желание вступить в Организацию и выполнять предусмотренные ее Уставом обязательства. Эта разумная и справедливая позиция встретила поддержку со стороны широких кругов международной общественности, в том числе и на Западе. В конечном итоге решение вопроса оказалось таким, каким оно могло и должно было быть и раньше: на X сессии Генеральной Ассамблеи в декабре 1955 г. 16 новых государств (Австрия, Албания, Болгария, Венгрия, Иордания, Ирландия, Испания, Италия, Камбоджа, Лаос, Ливия, Непал, Португалия, Румыния, Финляндия, Цейлон) стали членами ООН. Таким образом, благодаря настойчивости и последовательности СССР сфера международного сотрудничества в рамках ООН была значительно расширена, что явилось важной вехой на пути превращения ООН в подлинно международную организацию.

Напомним, кстати, что решение X сессии Генеральной Ассамблеи об одновременном приеме в ООН 16 новых государств одобрили многие американские и английские буржуазные ученые и публицисты (К. Райт, А. де Рюссе и др.), которых никак нельзя отнести к числу друзей Советского Союза. Лишь немногие западные авторы типа упоминавшегося выше Г. Николаса до сих пор скорбят о том, что принятие в ООН в числе 16 государств значительной группы стран, решительно выступающих за скорейшую ликвидацию колониализма, серьезно ослабило позиции Запада и привело к нежелательному для него «изменению политического равновесия в ООН»¹⁶.

Если говорить о применении вето вообще, то нельзя, конечно, отрицать, что Советскому Союзу приходилось пользоваться этим правом чаще, чем западным державам. Но ведь суть дела здесь не в арифметических подсчетах, а в том, ради чего Советский Союз прибегает к вето. Каждый случай применения Советским Союзом права вето преследовал цели защиты интересов народов, интересов дела мира. Напомним, что первый раз право вето было применено Советским Союзом во имя защиты независимости Сирии и Ливана при обсуждении в Совете Безопасности в феврале 1946 г. требования этих стран о выводе с их территории английских и французских вооруженных сил. Решительная поддержка Советским Союзом справедливого требования Сирии и Ливана сыграла свою роль — англо-французским империалистам пришлось убраться из этих стран. А вот один из недавних примеров. Известно, что именно вето Советского Союза сорвало попытку блока колониальных держав в Совете Безопасности во главе с США и Англией помешать индийскому народу ликвидировать последние остатки колониализма на земле своей родины, освободить Гоа, Даман и Диу из-под гнета португальских колонизаторов. Советский Союз использует свои права в Организации Объединенных Наций для укрепления принципов международного сотрудничества, для оказания помощи народам, борющимся против колониализма и империализма, — этот неоспоримый факт не скроют никакие изыскания г-на Даллина.

III. СССР И ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ. ОБЩИЕ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ООН

В особо сложном положении оказывается Даллин при освещении истории вопроса о разоружении. Многолетняя борьба Советского Союза за скорейшее решение этой важнейшей проблемы современности слишком хорошо известна, чтобы можно было, пусть даже при помощи

¹⁶ Н. Nicholas. *Op. cit.*, p. 57.

ловкой подтасовки фактов, убедить читателя в нежелании Советского Союза разоружаться. Даллину приходится волей-неволей признавать, что на протяжении последних десятилетий Советский Союз действительно не раз вносил «захватывающие и имеющие большую притягательную силу предложения». Однако это не мешает ему тут же поставить под сомнение мотивы советской внешней политики. На сцене снова появляется знакомая нам «концепция двух миров». Первоначальная ленинская позиция, утверждает Даллин, вообще основывалась на невозможности «твердых и реальных соглашений» между СССР и капиталистическим миром (стр. 71).

Нагромождавая одну произвольно вырванную из работ советских авторов цитату на другую, автор силится убедить читателя в том, что в период между первой и второй мировыми войнами, несмотря на все предложения о разоружении, с которыми выступал СССР в Лиге Наций, Советское правительство никогда искренне не стремилось к соглашению о разоружении и считало, что путь к нему может быть обеспечен только через... мировую революцию и уничтожение капитализма во всем мире (стр. 71—72). СССР, уверяет Даллин, «не был искренен» в постановке своих предложений о разоружении и даже не хотел, чтобы Запад принял их, ибо если бы разоружение было осуществлено, то Советский Союз совершил бы «акт самоубийства», оказавшись под угрозой поглощения со стороны окружающих его капиталистических государств (стр. 71).

Фальшь подобного рода утверждений бьет в глаза. Как могло обоюдное разоружение, в том числе и разоружение враждебных Советскому Союзу капиталистических государств, усиливать опасность «поглощения» СССР этими государствами? Если же говорить об убеждении коммунистов в том, что опасность войны исчезнет навсегда только с ликвидацией последнего эксплуататорского строя — капитализма, то и это убеждение, вопреки домыслам Даллина, никак не могло оказаться препятствием на пути к разоружению: СССР никогда не связывал ликвидацию капитализма в других государствах с экспортом революций. Социальные революции не приносятся на чужих штыках, их порождает развитие внутренних процессов в самих капиталистических странах.

Отметим в этой связи, что выводы тех американских историков, которые стоят на почве фактов, а не занимаются досужими спекуляциями, убедительно опровергают Даллина. «Советское правительство было искренне заинтересовано в существенном сокращении вооружений,— признавал У. Ли Мэхани, один из самых авторитетных американских исследователей проблемы разоружения.— Со времени Генуи и Московской конференции 1922 г. до последней сессии конференции по разоружению в 1934 г. СССР последовательно отстаивал тезис о том, что всеобщий мир может быть установлен лишь путем осуществления наиболее приемлемых мер разоружения. На различных международных конференциях самые радикальные программы разоружения были предложены советскими делегатами». Мэхани признает, что из всех великих держав только Советский Союз был готов «сочетать слова с делами и отказаться от тех видов оружия, которые были бы запрещены всеми странами»¹⁷.

Совершенно тенденциозно изложена Даллином и позиция СССР по разоружению в 1946—1954 гг. Даллин без всяких обиняков заявляет, что отказ СССР принять пресловутый «план Баруха» свидетельствовал о том, что СССР «преднамеренно препятствует соглашению и уклоняется от него» (стр. 72). Он, как и авторы других названных выше работ (Николас, Мунро, Стейнберг), не счел нужным даже упомянуть о тех

¹⁷ Wilbur Lee Mahaney. The Soviet Union, the League of Nations and Disarmament. 1917—1935, Philadelphia, 1940, p. 192—193.

предложениях, которые вносились Советским Союзом в ООН в этот период по проблеме разоружения (в частности, о советском проекте конвенции о запрещении производства и применения атомного оружия от 19 июня 1946 г., проекте контроля над атомной энергией от 11 июня 1947 г. и др.). А ведь эти предложения, по признанию объективных западных наблюдателей, уже в конце 40-х годов могли бы явиться подходящей основой для достижения взаимоприемлемого соглашения о существенном сокращении вооружений и запрещении атомного оружия¹⁸.

Даллин готов согласиться с точкой зрения тех, кто считает, что выдвинутые 10 мая 1955 г. новые предложения Советского правительства по разоружению содержали важные уступки западным державам, в частности, в вопросе о контроле, и открывали благоприятные перспективы для скорейшего решения этой важнейшей международной проблемы. Однако, вынужденный констатировать это очевидное и беспорное обстоятельство, Даллин тут же ставит под вопрос «мотивы», которыми руководствовался Советский Союз, внося эти предложения, и, вопреки всем известным фактам, пишет, что «обструкционистская тактика» советских представителей на переговорах по разоружению (в лондонском Подкомитете ООН, Комитете десяти и т. д.) сделала невозможным достижение соглашения (стр. 75—76).

Даллин уклоняется и от конкретного анализа программы всеобщего и полного разоружения, внесенной главой Советского правительства Н. С. Хрущевым на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1959 г. Но, будучи не в состоянии отрицать колоссальной притягательной силы советских предложений и того резонанса, который они вызвали как в Организации Объединенных Наций, так и далеко за ее пределами, автор, сделав многочисленные оговорки, с величайшей неохотой признает, что, вероятно, СССР все-таки «хочет какого-то (!) разоружения» (стр. 77). Однако, патетически восклицает Даллин, готовы ли Советский Союз заплатить за это необходимую цену? Что же это за «цена», которую испрашивает у СССР американский историк? Оказывается, в данном случае опять-таки речь идет о пресловутом контроле, давно уже являющемся камнем преткновения для решения проблемы разоружения, тем более, что по проектам Вашингтона этот «контроль» отнюдь не мыслится как действительный контроль над разоружением, а по сути дела сводится к сбору разведывательных данных, столь интересующих военные штабы НАТО. И надо отдать должное г-ну Даллину. Он оказывается на этот раз гораздо откровенней, чем многие его коллеги, и прямо заявляет, что «контроль», который имеет в виду Запад — это предоставление «контролерам» права «беспрепятственно беседовать с советскими гражданами, выслушивать их жалобы, вызывать их с целью получения сведений и разъезжать по стране» (стр. 83).

Что ж, яснее не скажешь! Под вывеской «контроля над разоружением» поставленная на широкую ногу и беспрепятственно осуществляемая разведка на территории СССР, своего рода легализованный шпионаж, — т. е. как раз то, против чего решительно возражал и возражает Советский Союз, и на что, как неоднократно подчеркивал Н. С. Хрущев, Советское правительство никогда не пойдет¹⁹.

* * *

Давая общие оценки деятельности советской дипломатии в ООН на протяжении первого десятилетия после окончания второй мировой войны, Даллин пытается доказать, что к 1950 г. СССР в связи с событиями в Корее якобы вообще утратил интерес к деятельности Организации

¹⁸ См. J. P. Moggay. From Yalta to Disarmament. Cold War Debate, N. Y., 1961, p. 107—108.

¹⁹ См., напр., «Известия», 15 июня 1963 г.; «Правда», 3 июля 1963 г.

Объединенных Наций, а его «участие (в работе ООН.— В. П.) было зачастую скорее символическим, нежели реальным» (стр. 33). Даллин заявляет, что в 1949—1952 гг. Советский Союз, казалось был на грани выхода из ООН, намереваясь заменить ее... Коминформом и Всемирным Советом Мира! Даллин так и пишет: «В течение более года Советский Союз и его друзья подготавливали замену Организации Объединенных Наций в лице узкого и жесткого органа — Коминформа... и гораздо более действенного, хотя и менее четко оформленного,— Всемирного Совета Мира, который нарочито противопоставлялся ООН в качестве ее альтернативы» (стр. 34).

Нет смысла специально опровергать все эти домыслы. Напомним лишь, что как раз в те годы, когда Советский Союз, по словам Даллина, проявлял слабый или даже «символический интерес» к работе ООН, правительство СССР продолжало бороться за всеобщее сокращение вооружений и запрещение производства и использования атомной энергии в военных целях, запрещение пропаганды войны; оно выступало с предложениями о существенном сокращении вооружений, заключении Пакта мира между пятью великими державами и ликвидации военных баз на чужих территориях (1949 г.) и т. д. На VI сессии Генеральной Ассамблеи, в 1951 г., стремясь найти выход из того тупика, в котором все глубже увязала проблема разоружения из-за явного нежелания США и их партнеров по НАТО способствовать ее решению, правительство СССР вновь выступило с конкретными и ясными предложениями по этой проблеме, в частности с получившим широкий международный резонанс предложением о созыве Всемирной конференции по разоружению. Все это говорит о том, что именно через ООН и при посредстве ООН Советский Союз стремился урегулировать такие ключевые проблемы современности, как разоружение, обеспечение мира и безопасности народов, установление подлинно дружественных отношений между всеми странами независимо от их социального строя.

Автор пишет, что подписание Австрийского государственного договора, внесение Советским Союзом новых предложений по разоружению в мае 1955 г. и ряд других внешнеполитических акций, предпринятых Советским правительством в 1955—1956 гг., знаменовали новый этап во внешней политике СССР. Однако, признавая, что советская политика в последнее десятилетие стала еще более гибкой и инициативной, Даллин и здесь стремится бросить тень на ее цели и мотивы. Активизацию борьбы советской дипломатии за торжество принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами он пытается преподнести как очередной «тактический маневр» Москвы, стремящейся привлечь на свою сторону молодые нейтралистские государства Азии и Африки. Что касается ООН, то по отношению к ней активная борьба СССР за мирное сосуществование означала, оказывается, ставку на превращение этой организации в «послушное орудие (!) социалистического лагеря» (стр. 39).

Непрерывный рост могущества и влияния Советского Союза и всего социалистического содружества, дальнейшие успехи национально-освободительного движения народов, обострение противоречий между ведущими империалистическими державами — все это коренным образом изменило обстановку в мире. Эти изменения обусловили объективную возможность объединения в рамках ООН усилий социалистических государств и стран, сбросивших с себя иго колониализма, в борьбе против угрозы новой войны, за разоружение, за прочный мир между народами. Новые тенденции в деятельности ООН глубоко беспокоят Даллина, и он бьет тревогу по поводу «усилившейся опасности» поддержки большинством государств, представленных в ООН, внешнеполитических акций Советского Союза, особенно его борьбы за разоружение и ликви-

дацию колониализма (стр. 115—120). Даллин яростно ополчается против предложений СССР о реорганизации структуры исполнительных органов ООН. Правда, он готов признать «реализм» этих предложений, т. е. то, что они направлены на приведение структуры аппарата ООН в соответствие с фактическим соотношением сил, сложившимся на международной арене. Но тут же автор твердит заученные фразы о «вызове», который СССР якобы бросил Организации Объединенных Наций, о его нежелании принять «философию ООН», стремлении «подчинить ООН своему влиянию» (стр. 203—210).

Последние страницы книги Даллин посвящает своего рода «теоретическому обобщению» опыта прошлого и наметке перспектив на будущее. Но даже при самом пристальном чтении этого раздела нельзя освободиться от впечатления, что за философским орнаментом рассуждений автора скрываются плохо завуалированные мысли на старую тему — о том, как хорошо (хотя, быть может, и не лишен некоторых изъянов) «свободный мир», иначе говоря, мир капитализма, и как плох мир социализма и его политика. Эти мысли, однако, не внушают радужной перспективы самому Даллину. В его рассуждениях сквозит явный страх перед будущим. В складывающейся ныне обстановке, предупреждает автор, США уже более не могут надеяться на то, что, как в годы корейского конфликта, ООН будет всецело на их стороне. И Даллин настоятельно призывает руководителей западных держав создать «новый и более прочный союз свободных наций, сплоченное международное сообщество, оснащенное необходимой мощью» (стр. 212). По мысли Даллина, именно этот союз должен стать краеугольным камнем внешней политики США и их партнеров по Североатлантическому пакту на будущие годы.

Но хотя свой рецепт Даллин преподносит с большой помпой, он отнюдь не блещет новизной. Планируемый им «союз свободных наций» — не что иное как расширенный вариант НАТО, о необходимости «реорганизации» которой не раз говорили правящие круги США и реакционная печать²⁰. И когда лондонская газета «Times» писала, что монография Даллина «довольно точно» воспроизводит позицию Госдепартамента²¹, то она была в сущности глубоко права. Книга Даллина весьма далека от науки, но зато очень близка политике вполне определенного сорта, известной под названием «холодной войны».

Однако скрывать правду о последовательной борьбе Советского Союза за мир и безопасность народов, за превращение Организации Объединенных Наций в эффективный инструмент укрепления мира и налаживания дружественного сотрудничества между всеми государствами становится в наши дни поистине непосильной задачей. Не удалось справиться с ней и Даллину. Вряд ли можно сомневаться в том, что рецензируемое «исследование» не принесет лавров его автору и если и останется в памяти читающей публики, то лишь как еще одно свидетельство тех отчаянных — и безнадежных — усилий, которые все еще прилагают апологеты и идеологи холодной войны с целью фальсифицировать внешнюю политику Советского Союза и его отношение к ООН.

²⁰ «The New York Times», January, 31, 1961. См. «Harper's Magazine», February 1962, p. 16—29; «Foreign Affairs», October 1961, vol. 40, N 1, p. 3—14.

²¹ «Times Literary Supplement», Dec. 21, 1962.

